

6. Клягин, Н. В. На дистанции становления и в пространстве жизни человека / Н. В. Клягин // Мир психологии. — 2009. — № 1. — С. 176—187.
Kljagin, N. V. Na distancii stanovlenija i v prostranstve zhizni cheloveka / N. V. Kljagin // Mir psihologii. — 2009. — № 1. — S. 176—187.
7. Клягин, Н. В. Природа развития / Н. В. Клягин // Мир психологии. — 2012. — № 2. — С. 171—185.
Kljagin, N. V. Priroda razvitija / N. V. Kljagin // Mir psihologii. — 2012. — № 2. — S. 171—185.
8. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — М., 1985.
Levi-Stross, K. Strukturnaja antropologija / K. Levi-Stross. — M., 1985.
9. Леонтьев, А. Н. Категория деятельности в современной психологии / А. Н. Леонтьев // Вопр. психологии. — 1979. — № 3.
Leont'ev, A. N. Kategorija dejatel'nosti v sovremennoj psihologii / A. N. Leont'ev // Vopr. psihologii. — 1979. — № 3.
10. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — М.: Мысль, 2001.
Losev, A. F. Dialektika mifa / A. F. Losev. — M.: Mysl', 2001.
11. Налимов, В. В. Непрерывность против дискретности в языке и мышлении / В. В. Налимов. — Тбилиси, 1978.
Nalimov, V. V. Nprerivnost' protiv diskretnosti v jazyke i myshlenii / V. V. Nalimov. — Tbilisi, 1978.
12. Налимов, В. В. Спонтанность сознания / В. В. Налимов. — М.: Прометей, 1989.
Nalimov, V. V. Spontannost' soznanija / V. V. Nalimov. — M.: Prometej, 1989.
13. Новая философская энциклопедия : в 4 т. — М., 2010. — Т. 3.
Novaja filosofskaja jenciklopedija : v 4 t. — M., 2010. — T. 3.
14. Пелипенко, А. А. Постижение культуры : в 2 ч. / А. А. Пелипенко. — М.: РОСПЭН, 2012. — Ч. 1 : Культура и смысл.
Pelipenko, A. A. Postizhenie kul'tury : v 2 ch. / A. A. Pelipenko. — M.: ROSPJeN, 2012. — Ch. 1 : Kul'tura i smysl.
15. Советский энциклопедический словарь. — М.: Сов. энцикл., 1984.
Sovetskij jenciklopedicheskiy slovar'. — M.: Sov. jencikl., 1984.
16. Тот, Н. Первая технология / Н. Тот // В мире науки. — 1987. — № 6. — С. 80—90.
Tot, N. Pervaja tehnologija / N. Tot // V mire nauki. — 1987. — № 6. — S. 80—90.
17. Шпет, Г. Г. Сочинения / Г. Г. Шпет. — М.: Правда, 1989.
Shpet, G. G. Sochinenija / G. G. Shpet. — M.: Pravda, 1989.
18. Leakey, M. D. Cultural Patterns in the Olduvai Sequence / M. D. Leakey // After the Australopithecines : Stratigraphy, Ecology, and Culture Change in the Middle Pleistocene / ed. by K. W. Butzer, G. L. Isaac. — Paris, 1975. — P. 477—494.
19. 2.6-Million-year-old stone tools and associated bones from OGS-6 and OGS-7, Gona, Afar, Ethiopia / S. Semaw [et al.] // J. of Human Evolution. — 2003. — Vol. 45, № 2. — P. 169—177.

Э. В. Сайко

Пространство действия и смысловая нагрузка слова

В. Д. Шадриков

Образ и слово¹

В работе приводятся результаты анализа видов восприятия, показателей ведущих свойств и показателей продуктивности восприятия. Показывается, что субъективный образ внешнего мира тесно связан с мотивацией и переживаниями субъекта восприятия. Обосновывается подход к определению мысли как потребностно-эмоционально-содержательной субстанции, с этих позиций показывается, что образ также представляет собой субстанцию мыслей, раскрываются превращение образа-субстанции в слово и понимание слова как перевод его в субъективный образ-субстанцию. Рассматривается отношение образа и слова в культурно-историческом аспекте. Анализируется наука как символическое описание реальности, в котором образ и слово соотносятся через мысли.

Ключевые слова: восприятие, образ, слово, смысл, субстанция, мотивация, переживания, мысль, сигнал, информация, отношение, культура.

¹ Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №13-06-00132.

Рассматривая проблему *отношений образа и слова*, необходимо, прежде всего, определить эти понятия. При этом мы постоянно будем проследивать развитие этих отношений, прежде всего, через включенность в эти понятия мыслей (рис. 1).

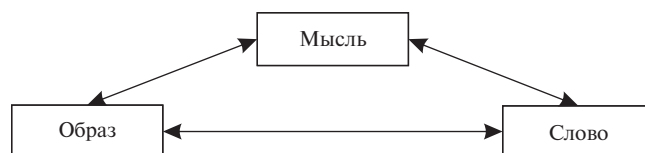

Рис. 1

Начнем с рассмотрения понятия «образ». Прежде всего, отметим, что в психологии образ понимается как результат восприятия предмета, находящегося вне нас. Этот результат носит идеальный характер, имеющий в качестве материального носителя определенные процессы в нервной системе, реализующей функцию восприятия. И если в первой половине XX в. исследования были сосредоточены на изучении внешней стороны процесса, то во второй половине XX в. и до настоящего времени исследователи стараются раскрыть биологическую и биохимическую стороны процесса восприятия, провести картирование структур головного мозга, реализующих психические функции и их конкретные проявления при решении конкретных задач. Два отмеченных направления исследования восприятия дополняют друг друга, выступают как комплементарные.

Анализ работ по восприятию, проведенных автором совместно с Н. П. Анисимовой, позволил выделить основные направления классических исследований: они относятся к изучению видов восприятия, ведущих свойств восприятия, показателя продуктивности восприятия. Основные виды восприятия представлены на рис. 2.

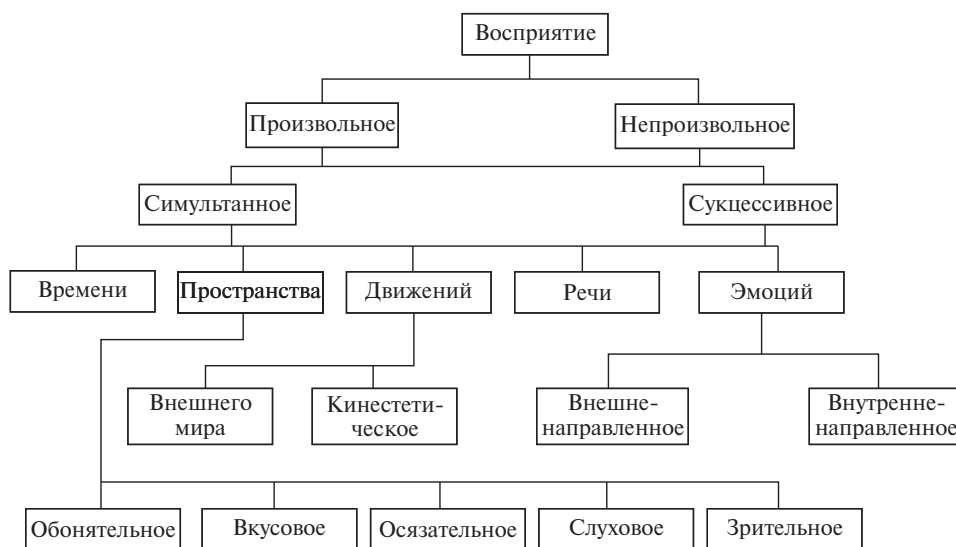

Рис. 2. Основные виды восприятия

В качестве ведущих свойств восприятия большинство авторов выделяют следующие:

- предметность, выражающуюся в отнесенности наглядного образа восприятия к определенным предметам внешнего мира;
- константность — способность перцептивной системы сохранять относительное постоянство формы, размеров и цвета предметов при изменяющихся в известных пределах условиях восприятия, компенсировать эти изменения;
- целостность — свойство, позволяющее получить целостный образ предмета во всем многообразии и соотношении его свойств;
- осмысленность — истолкование образов, возникающих в результате восприятия в соответствии со знаниями субъекта, его прошлым опытом, придание им определенного смыслового значения;
- обобщенность — отражение единичных объектов как особого проявления общего, представляющего определенный класс объектов, однородных с данным по какому-либо признаку;
- избирательность — преимущественное выделение одних объектов по сравнению с другими, раскрывающее активность человеческого восприятия.

В качестве показателей продуктивности восприятия рассматриваются: полнота, точность, быстрота и объем. Достаточно детально изучались процессы распознавания образа, восприятия глубины и удаленности предметов, восприятие формы предмета, влияние культуры на восприятие объектов, осознаваемого и неосознаваемого компонентов восприятия, нейрофизиологических механизмов восприятия. Значительное число исследований выполнено в контексте когнитивной психологии с позиций «компьютерной метафоры» и «информационной метафоры». Нам хотелось бы подчеркнуть подход У. Найссера [4] к процессу восприятия как условию проявления активности субъекта. Данный подход требует изучения восприятия не отдельных объектов, а целостных сцен жизни, которые сохраняются в памяти и регулируют поведение индивида (теория фреймов [14]).

При изучении восприятия, подчеркивал С. Л. Рубинштейн, важно исходить из осмысленности восприятия человеком. «Его осмысленность заключается в отнесенности его чувственного содержания к предметам объективной действительности. Восприятие осмысленно, поскольку оно объективно» [6. С. 180]. Отмечая эту осмысленность, следует одновременно указать на *субъективность восприятия и субъективность образа*. Воспринимает объективный мир человек, обладающий определенной мотивацией и решающий свои задачи. Отвлечься от мотивации и переживаний в исследовании можно, но это будет уже не субъективный образ, а экспериментальная модель, характеризующаяся существенной неполнотой.

Нам представляется, что принципиальным этапом при изучении образа восприятия должен служить переход к образу как *субстанциональному образованию мыслей*. Данный подход развит нами в ряде статей (см.: [11; 12; 13]).

Суть данного подхода заключается в том, что предметная мысль понимается как единство образа и его признака, несущего определенное функциональное содержание, тесно связанное с мотивацией и переживаниями субъекта деятельности (поведения). Мысль порождает мыслящий человек, и поэтому *мысль всегда носит субъективный характер*. Процесс субъективации мысли идет по трем направлениям:

- в мысли опредмечиваются потребности мыслящего субъекта;
- мысль «оборачивается» в нравственные устои субъекта;
- в мысли находит отражение социокультурный фактор.

Структура мысли включает три компонента: содержание, потребность и переживание. В единстве этих трех компонентов мысль выступает как живое знание. В данной структуре заключаются ее уникальные свойства, позволяющие человеку мыслить мыслями. Мысль предстает как *потребностно-эмоционально-содержательная субстанция*. И таковой она входит в содержание психики человека.

На уровне психологического анализа образ предмета выступает как совокупность мыслей о свойствах этого предмета, объединенных в единое целое (предметность и цельность), характеризующаяся определенным постоянством, обобщенностью и осмысленностью. С этих позиций образ представляет собой субстанцию мыслей — *образ-субстанцию*. Сформировавшись, образ-субстанция будет определять отношения во внутреннем мире человека, обуславливая его мышление. Из сказанного становится понятным положение Л. С. Выготского [2] о том, что мысль, существующая во внутренней речи, приобретает новую функцию внутреннего организатора нашего поведения.

Развиваемый нами подход позволяет перейти от изучения внешних свойств восприятия к изучению его сущностных характеристик. Только на этом пути мы можем раскрыть *отношение образа и слова*. *Мысль — глубоко субъективное образование, слово отражает обобщенное понятие*.

Образ как субстанция мыслей несет наряду с основными мыслями-признаками, относящимися к предмету восприятия, еще и мысли, привносимые в образ субъектом восприятия в соответствии с его мотивацией и переживаниями. *Образ* в первую очередь *несет смыслы, слово — значение*. Образ несет в себе субстанциональные признаки и акциденции, своеобразные «обертоны» к основным мыслям.

Отметим, что первоначально слово тоже порождается субъектом и формирующееся значение слова, отражающее индивидуальный образ, огрубляет этот образ, но при этом он сохраняется как субстанция мыслей. Слово, отражающее образ, всегда беднее образа, породившего это слово-понятие. Но при этом первоначально слово несет в себе отпечаток индивидуальности. Слушающий дополняет мысли, содержащиеся в слове, своими обертонами. В этом *процессе «опредмечивания и распредмечивания», превращения образа-субстанции в слово и понимания слова как перевода его в субъективный образ-субстанцию и заключается сущность отношения образа и слова*.

Рассматривая слово как сигнал, передающий определенную информацию, необходимо помнить, что у говорящего и у слушающего эта информация связана с субъективной мотивацией и переживаниями, а наполнение информации мотивацией и переживаниями будет субъективно различным у говорящего и у слушающего. И справедливо отмечал еще Аристотель, что мысль и слово объединены в одно целое, но при этом не тождественны ни друг другу, ни предмету мысли. Мысль возможна без оформления в слово. Необходимость в слове появляется у субъекта, когда он хочет что-то передать другим или когда слово необходимо самому субъекту для закрепления определенных мыслей для себя, слово может быть нужно человеку для рассуждения с самим собой.

В статье «Слово» Мартин Хайдеггер, анализируя загадку слова на основе стихотворения Штефана Георге с тем же названием («Слово»), приходит к выводу о том, что, для того чтобы представить сущее для себя другим, необходимо слово. Найти необходимое слово чрезвычайно трудно. В поэзии этот поиск нужного слова и составляет суть творчества (вспомним В. В. Маяковского). Поэт отражает власть слова над вещами в следующих строках:

...Так я скорбя познал запрет:
Не быть вещам, где слова нет.

«Слово, — пишет Хайдеггер, — даритель присутствия, т. е. бытия, в котором нечто является как существующее» [10. С. 306].

Говоря о том, что «не быть вещам, где слова нет», поэт подчеркивает, что без должного слова нельзя выразить мысль. Не быть вещам, если в распоряжении нет нужного слова. Анализируя эту фразу, Хайдеггер подчеркивает высшую власть слова, «которая впервые только и дает вещи быть в качестве вещи» [Там же. С. 309].

Закрепляя в слове отдельные мысли, относящиеся к предмету, человек интеллектуализирует образ предмета. Слово, связанное с образом, становится многофункциональным, многозначным. Таким образом, многозначность образа оформляется в многозначности слова.

Рассмотрим теперь отношение образа и слова в *культурно-историческом аспекте*. Начиная с отношений индивидуального значения образа и слова, последнее в процессе культурно-исторического развития наполняется различными содержаниями, мыслями, не только отражающими реальные значения слова, но и придающими ему сакральное значение.

Возьмем для примера слово «вода». В словаре С. И. Ожегова это слово обозначает прозрачную бесцветную жидкость, представляющую собой химическое соединение водорода и кислорода (H_2O), в Толковом словаре В. Даля «вода» толкуется как стихийная жидкость, ниспадающая в виде дождя, снега, образующая на земле родники, ручьи, реки и озера. Отмечается также, что вода состоит из двух газов: водорода и кислорода, отмечается что вода всему голова. В понимании древних славян помимо житейских качеств вода наделяется вещей силой, на воде гадают, воду наделяют очищающей силой, с водой связывают множество примет [3].

Таким образом, мы видим, что в культурно-исторической ретроспективе слово «вода» по своему содержанию изменяется от современного научного понимания до осознания важности воды и ее разнообразных житейских свойств, соединенных с сакраментальными (имеющими как бы магический смысл) качествами. Освоение содержания слова и будет представлять собой процесс освоения культурных феноменов в их культурно-исторической динамике, а поэтому культуры.

Нам представляются интересными рассуждения П. Флоренского о наполнении слова различным содержанием на примере личных имен. «Каждый знает... — пишет он, — принудительность отложения целого круга мыслей и желаний около известного имени» [9. С. 7]. Вы вспоминаете имя своего знакомого (друга), и у вас актуализируются мысли, характеризующие этого знакомого. Эти мысли связаны с его характеристиками и вашими переживаниями, связанными с этим человеком. Причем в разное время и в различных ситуациях с данным именем могут быть связаны только отдельные его качества, но вы ясно представляете, с кем они связываются. По этим отрывистым мыслям может воскрешаться весь образ человека. Таким образом имя будет выступать источником мыслей о человеке, причем в различных комбинациях. Имя-слово будет выступать как субстанция мыслей, связанных с образом конкретного человека.

Но имя может иметь и сакральный смысл. Не слово, а само имя. В имени, как пишет Флоренский, может заключаться субстанциональная сущность личности. В имени «наиболее обобщенно показывается нам личность, удерживая ее индивидуальный тип, без которой она не была бы сама собой. В имени наиболее четко познается духовное строение личности, не затуманенное вторичными проявлениями и свободное от шлаков биографий и пыли истории» [Там же. С. 75]. Имя есть фокус наших мыслей о личности.

«Когда пытаются умалить ценность имен, то совершенно забывают, что имена не придумаются и что существующие имена суть некоторый наиболее устойчивый *факт* культуры и важнейший из его устоев» [9. С. 85]. Имена в их содержательном аспекте выдержали «соборный экзамен всестороннего и всечеловеческого сознания» [Там же. С. 82].

Опираясь на свое понимание сущности имен, Павел Флоренский дает развернутое толкование для целого ряда имен, которое представляет большой интерес.

Закончить рассмотрение процесса формирования культурно-исторического значения слова можно словами А. А. Потебни: «По мере достижения своей ближайшей цели, по мере увеличения в говорящем и слушающем массы мыслей, вызываемых образом, следовательно, так сказать, от своего собственного развития [слово] лишается своей конкретности и образности» [5. С. 182].

В *слове* заключается *итог познания*. Наука, познавая действительность, выражает познание в слове.

Анализируя науку как символическое описание, П. Флоренский писал: «Во всей науке нет решительно ничего такого, каким бы сложным и таинственным оно ни казалось, что не было бы сказуемо с равной степенью точности, хотя и не с равным удобством и краткостью, — и словесною речью. Физика описывает действительность дифференциальными уравнениями, формулами. Но нет такого дифференциального уравнения, как нет и какой угодно другой такой математической формулы, которые не могли бы быть сказаны. Нет и быть не может» [8. С. 122—123]. «Всякий образ и всякий символ, как бы сложен и труден он ни был, мы называем, и, следовательно, уже по этому одному он есть слово, входит в описание как слово, да и не мог бы войти иначе» [Там же. С. 122].

Мы согласны с П. А. Флоренским. И это возвращает нас к началу настоящей статьи. Образ и слово соотносятся через мысли, которые они несут. И образ, и слово представляют собой субстанции мыслей. В конечном счете любую математику и физику, физиологию и психологию можно свести к образу и слову. Именно возможность сведения к образу и позволяет не оторваться от действительности, а переход к слову позволяет отойти от этой действительности в процессах рассуждения и описания. Но главное при этом описании заключается в том, чтобы не потерять цепь мыслей, заключенных в слове, и не оторваться от действительности. Сложность отношения образа и слова как раз и заключается в длительности переходной цепочки мыслей, которая может быть потеряна. И тогда возникает проблема отношений образа и слова.

Стремясь объяснить явление, наука раскрывает его сущность. Объяснение есть точное знание. Но дать точное и полное объяснение невозможно. Поэтому в науке используются модели, которые являются гипотезами, и для каждого явления таких гипотез может быть много.

Для того чтобы объяснить психологическое явление, надо опытно открыть, какие величины, какие качества личности определяют это явление, а затем установить связи между отдельными качествами и поведением и связь качества друг с другом. Если эти зависимости мы опишем с помощью математических уравнений, то мы опишем явление (поведение). Но выбор параметров всегда гипотетичен и произволен, поэтому описать поведение можно различными способами, различными моделями. Следует помнить, что любые описания стоят «наряду с реальностью, при ней и ради нее... Описания служат осознанию принадлежащей нам реальности» [Там же. С. 119].

«...Описание, как речь, состоит из слов. Но слова суть прежде всего конкретные образы, художественные произведения, хотя и в малом размере. Каждому слову, а равно и сочетаниям их, непременно соответствует некоторая наглядность, и эта наглядность, в сути дела, ничем не отличается от образности физических моделей и математических символов» [8. С. 121—122].

Сложность фиксации сущности явлений в слове показывает многообразие видов определений.

Как известно, выделяют следующие виды:

- дескриптивные, описывающие предмет наглядно и по возможности все-сторонне;
- реальные, характеризующие сущность определенного предмета;
- генетические, указывающие на происхождение предмета и способ его образования;
- номинативные, разъясняющие значение слова и границы его употребления.

Анализ определений, «что такое психология», проведенный нами, показывает, что они или отсылают к еще более общим и неопределенным понятиям (психика, психическая жизнь), или являются дескриптивными попытками описать предмет психологии через перечисление более конкретных свойств. Типичным определением может служить определение, даваемое С. Л. Рубинштейном: «Специфический круг явлений, который изучает психология, выделяется отчетливо и ясно — это наши восприятия, мысли и чувства, наши стремления, намерения, желания и т. п.» [7. С. 10]. Примером другого дескриптивного определения может служить следующее: «Предметом психологии являются закономерные связи субъекта с природным и социальным миром, запечатленные в системе чувственных и умственных образов этого мира, мотивов, побуждающих действовать, а также в самих действиях, переживаниях своих отношений к другим людям и самому себе, в свойствах личности как ядра этой системы» [1. С. 73].

Обращает на себя внимание, что при общем подходе дать определение через перечисление признаков (мыслей) сами эти признаки существенно различаются, образуя пересекающиеся множества.

Рассматривая отношения образа и слова, мы должны отметить, что и образ, и слово являются субстанциональными образованиями мысли. И образ, и слово, будучи субстанциональными образованиями, служат одновременно для выражения и закрепления мысли. Достаточно часто можно встретить утверждение, что язык есть орудие *образования мысли*. Это не так. Слово является *выражением* для субстанции мысли. Именно *мысли объединяют слово и образ в процессах мышления. И мышление работает с мыслями, заключающимися в образе и слове*. Результатом этой мыслительной деятельности может служить порождение новых мыслей, которые будут зафиксированы в новом слове (или словах), мысль же первоначально порождается из мотивации и переживаний. За счет переживаний и мотивации мысль, как мы уже отмечали, становится живой. Именно с этой живой мыслью через мотивацию и переживания и работает мышление. И в этих отношениях реально проявляется глубокая интимная связь образа, мысли и слова.

The article represents the results of the analysis of different types of perception, its indexes of key properties and indexes of its efficiency. It has been shown that in perception the subjective image of an outer world is closely related to subject's motivation and experience. A new approach is offered to understand the thought as a need-emotion-intentional instance. Based on that approach it is shown that the image is also a substance of thoughts. In keeping with this premise the transformation of the image-substance is exposed and the understanding of a word as its transformation to subjective image-substance. The relationship between the image and word is discussed in cultural and historical aspects. The science is analyzed as symbolic description of realm where the image and word are related to each other by thought.

Keywords: perception, image, word, sense, substance, motivation, experience, thought, message, information, relation, culture.

Литература

1. Введение в психологию / под ред. А. В. Петровского. — М. : Академия, 1996. — 496 с.
Vvedenie v psihologiju / pod red. A. V. Petrovskogo. — M. : Akademija, 1996. — 496 s.
2. Выготский, Л. С. Педагогическая психология / Л. С. Выготский ; под ред. В. В. Давыдова. — М. : Педагогика, 1991. — 480 с.
Vygotskij, L. S. Pedagogičeskaja psihologija / L. S. Vygotskij ; pod red. V. V. Davydova. — M. : Pedagogika, 1991. — 480 s.
3. Коринфский, А. А. Народная Русь / А. А. Коринфский. — М. : Моск. рабочий, 1995.
Korinfskij, A. A. Narodnaja Rus' / A. A. Korinfskij. — M. : Mosk. rabochij, 1995.
4. Найссер, У. Познание и реальность / У. Найссер. — М. : Прогресс, 1981.
Najsser, U. Poznanie i real'nost' / U. Najsser. — M. : Progress, 1981.
5. Потебня, А. А. Слово и миф / А. А. Потебня. — М. : Правда, 1989.
Potebnja, A. A. Slovo i mif / A. A. Potebnja. — M. : Pravda, 1989.
6. Рубинштейн, С. Л. Основы психологии / С. Л. Рубинштейн. — М. : Учпедгиз, 1935.
Rubinshtejn, S. L. Osnovy psihologii / S. L. Rubinshtejn. — M. : Uchpedgiz, 1935.
7. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии / С. Л. Рубинштейн. — СПб. : Питер, 1999.
Rubinshtejn, S. L. Osnovy obshhej psihologii / S. L. Rubinshtejn. — SPb. : Piter, 1999.
8. Флоренский, П. А. Наука как символическое описание / П. А. Флоренский // Соч. : в 2 т. — М. : Правда, 1990. — Т. 2.
Florenskij, P. A. Nauka kak simvoličeskoe opisanie / P. A. Florenskij // Soch. : v 2 t. — M. : Pravda, 1990. — T. 2.
9. Флоренский, П. Имена / П. Флоренский. — М. : АСТ, 2001.
Florenskij, P. Imena / P. Florenskij. — M. : AST, 2001.
10. Хайдеггер, М. Время и бытие / М. Хайдеггер. — М. : Республика, 1993.
Hajdegger, M. Vremja i bytie / M. Hajdegger. — M. : Respublika, 1993.
11. Шадриков, В. Д. Мысль, образ и психическая функция / В. Д. Шадриков // Мир психологии. — 2013. — № 3. — С. 139—150.
Shadrikov, V. D. Mysl', obraz i psihicheskaja funkcija / V. D. Shadrikov // Mir psihologii. — 2013. — № 3. — S. 139—150.
12. Шадриков, В. Д. Мысль как предмет психологического исследования / В. Д. Шадриков // Психол. журн. — 2014. — Т. 35, № 1. — С. 130—137.
Shadrikov, V. D. Mysl' kak predmet psihologičeskogo issledovanija / V. D. Shadrikov // Psihol. zhurn. — 2014. — T. 35, № 1. — S. 130—137.
13. Шадриков, В. Д. Мысль, мышление и сознание / В. Д. Шадриков // Мир психологии. — 2014. — № 1. — С. 25—36.
Shadrikov, V. D. Mysl', myshlenie i soznanie / V. D. Shadrikov // Mir psihologii. — 2014. — № 1. — S. 25—36.
14. Minsky, M. L. Framework for representing knowledge / M. L. Minsky // The Psychology of Computer Vision / ed. by P. H. Winston. — N. Y., 1975.

С. С. Неретина

Августин о неделимом

Соотношение вещи и имени среди главных проблем Августина. Смысл и значение, способы выражения и организация высказывания оказались в центре внимания его трактата «О диалектике». Анализ слова порождает проблему его однозначности и двойственности. Эквивокативность — словесное выражение одним и тем же словом разных смыслов одной и той же вещи — обнаруживается как одна из способностей речевого высказывания.

Ключевые слова: диалектика, исповедь, звук, слово, смысл, значение, однозначность, двойственность, двусмысленность, произношение, троп, перенос.

Выражать и произносить: loqui vs dicere

Последние три книги «Исповедей» Августина посвящены тому, как он представлял себе процесс творения мира. Сказать, что этот процесс происходил по слову, — значит сказать, что процесс происходил сразу по двум сло-